

лемей рассчитан на то, что они будут служить лишь приблизительными, ориентировочными указаниями на местонахождение географических объектов ⁴¹.

С. Р. Тохтасьев

⁴¹ Из последних ценных методических исследований на эту тему см. источниковедческие разделы в статье: Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Щеглов А. Н. Городище Рудь — Мэтоний Птолемея? — ВДИ, 1981, № 4, с. 126 слл. (с лит.).

APATURUM. A HISTORY OF THE BOSPORAN SHRINE OF APHRODITE URANIA

S. R. Tokhtas'yev

According to Hecataeus the shrine stood, on the shore of a small bay of the same name (κόλπος Ἀπάτουρος *FGrHist* 1 F 211) forming part of the Corocondamitis (mod. Taman gulf) on its southern shore, near the town of Hermonassa (Taman). This location is arrived at by comparative analysis of the Hecataeus fragment and Strabo XI 2.10. Unfortunately the archaeologists have so far not found remains of the shrine. Probably the oldest witness to its existence is Hecataeus. From the beginning of the 4th or perhaps even at the beginning of the 5th century B. C. inscriptions have appeared with dedications to «Aphrodite Urania, guardian of (the shrine) Apaturum». In this period the shrine flourished. No later than the middle of the 4th century B. C. an affiliated shrine was erected in Phanagoria. Towards the end of the Hellenistic period a settlement had grown up around the shrine at Apaturum (Plin. *N. H.* VI 18). At the end of the 2nd or at some point in the 1st century B. C., when troubled times had come to Bosporus, the Apaturum shrine fell into decline (Pliny, l. c.) but relatively soon — apparently in the 1st century A. D. — recovered its significance and still existed as a settlement at the end of the 6th century (Menander Protector fr. 43; Müller, Dindorf).

In an addendum the author discusses a manuscript variant reading Ἀπάτουρος: Ἀπάτουργος in Ptolemy's *Geography* (V 8.2). The first reading is undoubtedly from Ptolemy's hand, the second is based on a paretymological conjecture by the editor of the hyparchetype which underlies most surviving manuscripts of the *Geography*. This conclusion has considerable importance for the history of the text.

ДРЕВНИЕ УКРЕПЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КРЫМА

(По данным античных письменных источников)

В данной статье мы рассмотрим свидетельства античных писателей об укреплениях, располагавшихся в I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. на границе Степного Крыма и северопричерноморских степей. Первоначально в соответствии со сложившейся традицией мы намеревались ограничить ареал исследования Перекопским перешейком. Однако внимательное знакомство со сведениями, сообщаемыми Страбоном, а также результаты собственных разведок на Перекопе, в Западном и Восточном Присивашье позволили включить в рассматриваемую зону и Крымское побережье Сиваша от Перекопа до Чонгарского пролива.

Этот район не представляется нам какой-либо особой культурно-исторической областью. Однако вряд ли есть основания включать Перекопский перешеек в «исторически сложившийся к IV в. до н. э. регион», под

Рис. 1. 1 — перекопские рвы; 2 — рвы у Чонгарской переправы; 3 — ров в Сиваше; 4 — Узунларский ров; 5 — Тиритакский ров; 6 — хора Херсонеса по А. Н. Щеглову

которым Н. А. Щеглов подразумевает Северо-Западный Крым¹. Различие исторических судеб Перекопа, с одной стороны, и побережья Тарханкута и Сакско-Евпаторийского района — с другой, заключается уже в том, что следы хоры Херсонеса до сих пор археологически не засвидетельствованы севернее поселения Владимировка, лежащего на северо-западном побережье Тарханкута². А. Н. Щеглов не включает в границы Херсонесского государства земли (рис. 1), лежащие к северу от Байкальской косы³. Различной нам представляется и этногеография этих районов. Если население хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму, скорее всего, характеризовалось сложным этническим составом и высокой степенью эллинизации⁴, то жителями более северных районов до появления во II в. до н. э. сатархов, возможно, были автохтонные варварские племена⁵. Несомненно, через территорию Северного Крыма пролегали пути перекочевок скифских скотоводческих племен. По данным Геродота, в V в. до н. э. Северный Крым входил в земли скифов царских⁶.

Этническое различие сохранялось и позже, когда во II в. до н. э. хору Херсонеса в Северо-Западном Крыму заселили скифы, а местность «Тафры», ограниченную, судя по описаниям Помпония Мелы и Плиния Старшего, Северным Крымом⁷, заняло сарматское племя саторхеев⁸. Население этой территории — жители местности «Тафры» — выделялось древними писателями по территориальному признаку, например, тафрии Страбона (VII, 3, 19). Предположение А. Н. Щеглова о том, что тафрии обитали на Тарханкуте, выглядит недостаточно обоснованным⁹.

Выдающимся было и военное значение местности «Тафры». Владеющий ею контролировал доступ в Степной Крым, а также один из важ-

¹ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 3.

² Там же, с. 32, рис. 8.

³ Там же, с. 6, рис. 1, VI.

⁴ Там же, с. 126 сл.

⁵ Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов. — СА, 1981, № 3, с. 60; Щеглов А. Н. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху. — ВДИ, 1966, № 4, с. 148.

⁶ Herod., IV, 3, 20. Во всех случаях авторы пользуются переводами, изданными В. В. Латышевым (Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. СПб., 1890; т. II, СПб., 1904).

⁷ Mela, II, 4; Plin., IV, 86.

⁸ Steph. Byz., s. v. Тафра; Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию. — МИА, 1971, № 177, с. 191; IOSPE, I², 672.

⁹ Щеглов. О населении..., с. 146 сл.

нейших в Северном Причерноморье сухопутных путей, проходивший по Перекопскому перешейку¹⁰. Именно здесь на Перекопе в древности были сооружены ров и вал, служившие долговременной линией стратегической обороны, — так определял назначение крымских валов Н. И. Сокольский¹¹. Судя по сообщениям Страбона, Плиния, Помпония Мелы¹², ширина Перекопа в древности не превышала современную¹³. (40 стадиев, 5 миль). С запада перешеек мог ограничиваться Каркинитским заливом, а скорее лиманом этого залива или озером, отделенным от залива пересыпью¹⁴, с востока озером Сапра (современный Сиваш), тогда представлявшим собой лишь часть Меотиды (Strabo, VII, 4, 1). Современные данные гидрогеологии дают возможность ответить на вопрос, где проходила в древности граница между озером и Меотидой. Так, по мнению ряда исследователей, южной части Арабатской стрелки в античное время не существовало¹⁵, а Сиваш был заключен между двумя перешейками. Один из них был Перекопский, другой, шириной в несколько десятков километров, располагался к западу от Чонгарского пролива¹⁶. Существование второго перешейка, на наш взгляд, сомнительно. Страбон (VII, 4, 1) считал Сиваш (Σαπρόν λίμνην) лишь заливом Меотиды. Мы, со своей стороны, склонны считать границей древнего Сиваша и Меотиды район современного Чонгарского пролива. О водном зеркале и глубинах Сиваша сообщает Страбон: во-первых, при сильных сгонных ветрах дно озера в мелких местах обнажалось, во-вторых, плавание по озеру было возможно только на челнах, шитых из шкур (VII, 4, 1). Все это свидетельствует о малых глубинах озера и о существовании по крайней мере нескольких бродов.

Появляются серьезные основания для того, чтобы вернуться к рассмотрению вопроса о существовании в древности двух измерений протяженности перешейка Скифского или Таврического Херсонеса — оба измерения приведены у Страбона (VII, 4, 1.).¹⁷ Первое из них — 40 стадиев — восходит скорее всего к такому источнику, как использованный географом эллинистический перипл¹⁸. Второе — 360 стадиев, — очевидно, заимствовано у Гипсикрата¹⁹, младшего современника Митридата VI Евпатора, дожившего, по-видимому, до начала I в. н. э. Расстояние в 40 стадиев при длине стадия, равной 197 или 210 м, довольно близко ширине Перекопа, а расстояние в 360 стадиев при таком измерении почти полностью

¹⁰ Рыбаков Б. Н. Геродотова Скифия. М., 1979, с. 22.

¹¹ Сокольский Н. И. Валу в системе обороны Европейского Боспора. — СА, 1957, XXVII, с. 96.

¹² Strabo, VII, 4, 1; Plin., IV, 84; Mela, II, 4.

¹³ Современная ширина Перекопского перешейка в самом узком месте несколько более 9 км.

¹⁴ Не исключено, что озеро, существование которого мы предполагаем, занимало большую часть современного Перекопского залива, средняя глубина которого сегодня не превышает полуметра. Она увеличивается до 1—1,4 м в южной и юго-восточной части, а затем, между мысами Джалдыхан и Картказак, уменьшается до 0,4—0,6 м, для того чтобы начать снова неуклонно увеличиваться. Последнее может свидетельствовать о существовании в этом месте остатков древней пересыпи. Еще более важно знать, где проходила и как менялась в античное время береговая линия Каркинитского залива к северу от Бокальской косы. Ответ на этот вопрос может привести к решению некоторых проблем исторической географии, в частности дать ключ к локализации Каркинитиды Геродота (IV, 55) и располагавшегося на побережье перешейка города Таффы, упомянутого Плинием (IV, 85), но так и не найденного на берегу Перекопского залива.

¹⁵ Стацук М. Ф., Супрычев В. Л., Хитрая М. С. Минералогия, геохимия и условия формирования донных отложений Сиваша. Киев, 1964, с. 159; Панов Д. Г. Развитие берегов восточной части Азовского моря в голоцене. — В кн.: Теоретические вопросы динамики морских берегов. М., 1964, с. 139 сл.

¹⁶ Стацук, Супрычев, Хитрая. Ук. соч., с. 159 сл.

¹⁷ Первым обратил на это внимание Н. И. Сокольский (ук. соч., с. 105).

¹⁸ Ростовцев М. И. Страбон как источник для истории Боспора. Харьков, 1914, с. 12 сл.

¹⁹ Там же, с. 16.

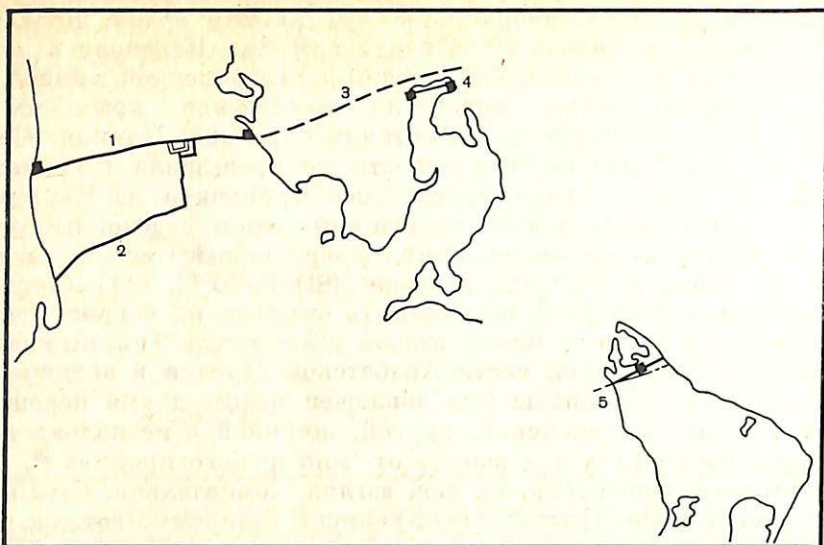

Рис. 2. 1 — большой Перекопский ров; 2 — малый Перекопский ров; 3 — ров в Сиваше; 4 — ров на Литовском полуострове; 5 — рвы на Тюп-Джанкойском полуострове

совпадает с современным расстоянием от берега Каркинитского залива у Перекопского рва до Чонгарского пролива (78 км)²⁰. Подобное совпадение убеждает нас в том, что оба измерения протяженности перешейка взяты из практического географического обихода близкого Страбону времени, к этому же мнению пришли и крымские гидрогеологи²¹. Существование представлений о перешейке в 360 стадиев подтверждается описанием Страбона морского пути от Боспора к Танаиду: «Если плыть до Танаида по левой стороне Меотиды, на этом пути вдоль берега находится и перешеек» (VII, 4, 5). Так как судоходство в озере Сапра невозможно, крайней точкой перешейка следует считать район Чонгарского пролива (рис. 1, 2).

Несколько иные сведения находим у Плиния Старшего (IV, 87): «А по Меотиде от конца перешейка или той местности, которая называется Тафрами, до устья Боспора считается в длину 260 миль». На первый взгляд, здесь, как и у Страбона, рассматривается морской путь. Однако расстояние в 260 миль укладывается лишь в несколько спрямленную береговую линию от Перекопа до южной оконечности Керченского пролива. Морской путь от Чонгарского пролива до устья Боспора в любом случае будет короче. Последнее позволяет отдать предпочтение либо сухопутному объезду береговой линии, либо комбинации данных, полученных при сухопутном измерении расстояния от Перекопа до Чонгарского пролива и последующем морском путешествии. Скорее всего начальной точкой отсчета у Плиния следует считать район Перекопского перешейка, что позволяет локализовать здесь местность «Тафры» — Рвы²². Аналогичную локализацию местности «Тафры» находим и у Помпония Мелы: «Местность между болотом и заливом называется Тафры, а залив Каркинитским» (II, 4). Если обратить внимание на то, что несколькими строками выше географ определяет ширину Перекопского перешейка в 5 миль и отмечает, что он лежит между Понтом и Меотидой, то и здесь можно признать истинным тот факт, что Мела отождествлял Тафры с Перекопским перешей-

²⁰ Расстояние скорее всего измерено по Сивашу. Еще в XIX в. здесь существовали многочисленные броды на пути от Перекопа к Чонгару.

²¹ Стащук, Супрычев, Хитрая. Ук. соч., с. 159 сл.

²² Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977, с. 62.

ком, с другой стороны, у Мелы, как и у Плиния, угадывается контаминация сведений и о большем и меньшем перешейке.

Иного мнения при локализации местности Тафры придерживается В. С. Ольховский, помещающий ее между Перекопом и Акмонаем²³. Основой подобной реконструкции служит свидетельство о Тафрах как о стране, окруженной рвами, восходящее, возможно, к Домитию Каллистрату²⁴. отождествление жителей страны Тафры — тафриев (Strabo, VII, 4, 5) с саторхейми, а последних в свою очередь с земледельцами Страбона (VII, 4, 6) приводит автора к выводу о тождестве территории земледельцев со страной Тафры²⁵. Границы ее должны пролегать по укрепленным перешейкам. Для доказательства последнего положения наиболее пригоден критический анализ свидетельств Страбона. В первую очередь исследователь ищет упоминание о перешейке, который можно было бы отождествить с Акмонайским. Например, «...ранее наибольшую часть страны до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров» (Strabo, VII, 4, 5). В дальнейшем Каркинитский залив рассматривается как западная, а перешеек — как восточная граница прежних владений тавров²⁶. Лингвистическое обоснование нового перевода не приводится. Наиболее существенным аргументом считается последовательность описания владений боспорцев и тавров, которую имея Пантикапей: устье Меотиды — Феодосия на перешейке (Акмонайском) — Каркинитский залив»²⁷. Однако заметим, что сам Страбон (VII, 4, 4—5) Феодосию ни на одном из перешейков не помещает. Описание владений боспорцев он начинает не с Пантикапея, а с Феодосии (VI, 4, 4), к тому же в тексте (...τὴν δὲ πλεῖστην μέχρι τοῦ ἰσθμοῦ καὶ τοῦ κόλπου τοῦ Καρκινίτου...) (VII, 4, 5) перешеек не противопоставляется заливу²⁸. Для внимательного читателя восточной границей будет упомянутая ранее Феодосия (Strabo, VII, 4, 5).

Далеко не бесспорна и следующая часть доказательства: «...тавров у Перекопа не помещает ни один античный автор»²⁹. У Страбона (VII, 4, 5) фигурирует «скифское племя тавров», причем тавры здесь, вероятно, не этнический, а географический указатель³⁰. Характерно, что страна, которую занимало это племя, здесь же называется Малой Скифией. Подобная деталь в описании может отражать и скорее всего отражает реальную этногеографическую обстановку, сложившуюся во II в. до н. э. и просуществовавшую до походов Диофанта. Следующее допущение, логически вытекающее из первого: «Страбон, неверно поняв своих информаторов, спутал сведения о двух перешейках шириной 40 и 360 стадиев, приписав их одному перешейку, вероятно, вследствие того, что оба перешейка имели укрепления»³¹. Сказанное определяет цель автора найти укрепленный перешеек в 360 стадиев на Керченском полуострове («у Меотиды») ³². Однако указатель «у Меотиды» отнюдь не свидетельство того, что это перешеек Керченского полуострова. Так, Плиний (IV, 87) приводит расстояние от Перекопа до пролива по Меотиде, Помпоний Мела (II, 4) располагает перешеек (бесспорно Перекопский) между Каркинитским заливом и Меотидой, Страбон (VII, 4, 1) считает Σαπράν λεγόμενην λίμνην лишь частью Меотиды. И наконец, для того, чтобы отождествить Акмонай с пе-

²³ Ольховский. Ук. соч., с. 63.

²⁴ Steph. Byz., s. v. Τάφραι.

²⁵ Ольховский. Ук. соч., с. 57, 60.

²⁶ Там же, с. 61 сл.

²⁷ Там же, с. 62.

²⁸ Там же, с. 61.

²⁹ Там же, с. 62.

³⁰ Соломоник Э. И. Про значения термина «тавроскіфи». — АП УРСР, 1962, XI, с. 154 сл.

³¹ Ольховский. Ук. соч., с. 62.

³² Там же.

решейком в 360 стадий, В. С. Ольховскому приходится признать указанное Страбоном расстояние значительно завышенным³³.

Последний шаг к локализации страны Тафры между Перекопом и Акмонаем — это доказательство существования укрепленной линии на Акмонайском перешейке. Отрицая вывод И. И. Бабкова об отсутствии здесь следов укрепления³⁴, В. С. Ольховский приводит по существу лишь один контрдовод: в конце XVIII в. на Акмонае существовало описанное Палласом укрепление³⁵ — в XX в. следы его исчезли³⁶. Подкреплено это мнение цитированием Палласа, который действительно мог видеть здесь какое-либо укрепление, из чего не следует, что это была «стена», а также цитатой из примечания к Палласу, относящейся к тому же — не к Акмонайскому «укреплению», а к Перекопу³⁷. Стоит обратиться к исследованию Л. Д. Дмитрова³⁸ для того, чтобы убедиться в недостоверности мнения о том, что ко второй половине XIX в. от перекопского укрепления не сохранилось никаких следов³⁹. В это время был проведен обмер перекопского рва и вала, и результаты работ показали, что перекопское укрепление оставалось грандиозным сооружением⁴⁰; так же выглядит оно и сейчас⁴¹.

На основании всего приведенного выше мы считаем, что аргументы В. С. Ольховского выглядят недостаточно убедительными. К тому же следует заметить, что на Перекопе существует по меньшей мере два рва — большой перекопский, преграждающий доступ в Крым, и малый, обращенный в противоположную сторону⁴². Эти сооружения нанесены на карты позднескифских памятников Крыма П. Н. Шульцем и Т. Н. Высотской⁴³. Мы далеки от безусловного отождествления малого вала с одним из валов, ограничивающих местность Тафры по Домитию Каллистрату⁴⁴, однако считаться с подобной вероятностью следует (рис. 2).

Так или иначе, но по рассмотренным выше источникам⁴⁵ местность Тафры следует локализовать на Перекопском перешейке или, что не исключено, в полосе между Перекопом и Чонгаром (рис. 1). Очертить же ее границы, как будто бы указанные Домитием Каллистратом, можно будет в результате планомерного археологического исследования.

Топоним *Taphrae*, *Táφραι καὶ Táφρη* — рвы и одноименный город (укрепление?), в той или иной форме упомянутые Плинием (IV, 85, 87), Мелой (II, 4), Птолемеем (III, 5, 2), Стефаном Византийским⁴⁶, а также наименование жителей — тафрий (Strabo, VII, 3, 19) недвусмысленно свидетельствуют о существовании на Перекопе укрепления в виде рва и вала уже в античное время. Все эти сведения, сгруппированные в хронологическом порядке, позволяют определить тот хронологический рубеж, за которым известия о существовании перекопского рва и вала несомненно достоверны.

³³ Там же.

³⁴ Бабков И. И. К вопросу о местонахождении Асандрова вала. — В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 287.

³⁵ Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. — ЗООИД, 1883, т. 13, с. 49 сл.

³⁶ Ольховский. Ук. соч., с. 62 сл.

³⁷ Путешествие по Крыму академика Палласа..., с. 92.

³⁸ Дмитров Л. Д. Перекоп. Киев — Львов, 1940.

³⁹ Путешествие по Крыму..., с. 92.

⁴⁰ Мельников. Заметка к истории старого Перекопского канала. Одесса, 1893, с. 6 сл.

⁴¹ Шульц П. Н. О комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях в Северном Крыму. — ИКОГО, 1953, вып. 2, с. 191 сл.

⁴² Там же.

⁴³ Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. — МИА, 1971, № 177, с. 128, рис. 1; Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. — Там же, с. 158, рис. 2.

⁴⁴ Steph. Byz., s. v. *Táφραι*.

⁴⁵ Plin., IV, 85, 87; Mela, II, 4.

⁴⁶ Steph. Byz., s. v. *Táφραι*.

По мнению М. И. Ростовцева, источником Страбона для западной части северного побережья Понта могли послужить сочинения Артемидора Эфесского или Посидония ⁴⁷. Сведения о Крыме расширены за счет исторических справок, взятых у Гипсикрата ⁴⁸. Так как в подробнейших, несомненно почерпнутых у Гипсикрата сведениях о стене Асандра, которую сам географ помещал на севере Крыма, упоминания о Тафрах, Тафросе, тафриях отсутствуют, то упоминание о тафриях у Страбона, очевидно, восходит к Артемидору — автору перипла, использованного Страбоном, и датируется временем не позднее конца II в. до н. э. ⁴⁹ В том случае, если сведения о тафриях взяты у Посидония, датироваться это свидетельство будет не позднее первой половины I в. до н. э., а скорее всего более ранним временем.

Описание побережья Каркинитского залива и расположенного на его берегу города Тафры у Плиния Старшего восходит к периплу эллинистического времени, автором которого, как считал М. И. Ростовцев, мог быть Исидор из Харакса ⁵⁰. Ряд деталей указывает на то, что сведения, содержащиеся в перипле, относятся к периоду после возникновения сильного позднескифского государства, но до Митридата ⁵¹. Очевидно, этим временем можно считать II в. до н. э. ⁵²

Не менее интересен источник Помпония Мелы. Как отмечал М. И. Ростовцев, картина Северного Причерноморья у Мелы архаична и отличается от тех сведений, которые были получены римлянами во время составления карты Агриппы ⁵³. Упоминание о сатархах на севере Крыма и характеристика этого племени, близкая Посидонию, позволяют датировать источник географа позднеллинистическим временем, возможно, II в. до н. э.

Сведения о стране Тафры у Стефана Византийского ⁵⁴, возможно, принадлежат Домитию Каллистрату, уроженцу Гераклеи Понтийской, жившему во II—I вв. до н. э. Однако что именно принадлежит ему — сообщение о том, что страну, расположенную у Меотийского озера, «...окружили рвами рабы, вступившие в связь со своими господами во время долговременной войны у скифов, когда господа их воевали с фракийцами или живущими по сю сторону Истра», или свидетельство о том, что «...эту страну заселили саторхеи», — понять из-за лакуны, имеющейся в тексте, довольно сложно. По мнению Л. А. Ельницкого, первый рассказ восходит к ближнему Геродоту, но иному источнику ⁵⁵. Однако столь непосредственное отождествление рвов, вырытых рабами, и страны Тафры выглядит довольно рискованным. Сама история о сооружении рва или рвов рабами, вероятно, легендарна. Будучи раз связанной с одним из рвов, она могла быть перенесена и на другие.

Геродот, судя по исследованию Б. А. Рыбакова, побывал в Каркинитиде и Кремнах ⁵⁶, по существу с двух сторон перешейка. Однако легендарный вал потомков слепых локализуется им (IV, 1, 3) не здесь, а «...на всем протяжении от Таврических гор до озера Меотиды, где оно наиболее широко». К тому же ров имеет меридиональную ориентировку (Herod., IV, 3, 20), что не позволяет разместить его на Перекопском перешейке.

⁴⁷ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 34, 56.

⁴⁸ Он же. Страбон как источник..., с. 12 сл.

⁴⁹ Там же, с. 12.

⁵⁰ Ростовцев. Скифия и Боспор, с. 56.

⁵¹ Там же, с. 52.

⁵² Обоснованная аргументация М. И. Ростовцева не позволяет нам принять мнение М. В. Скрижинской о том, что главы 85—87 скомпонованы на основе лишь современных Плинию источников.

⁵³ Ростовцев. Скифия и Боспор, с. 45.

⁵⁴ Steph. Byz., s. v. Тафра.

⁵⁵ Ельницкий А. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 91.

⁵⁶ Рыбаков. Ук. соч., с. 79, 81—89.

Итак, вырисовывается следующая хронологическая последовательность. Наиболее ранним можно считать гипотетический источник Домития Каллистрата, описывающий, судя по упоминанию войны рабов и их господ, события VII—VI вв. до н. э. Однако помимо уже высказанных сомнений можно отметить и то, что гипотеза о значительных походах скифов во Фракию, до вторжения в Северное Причерноморье Дария I, в последнее время встречает все меньше поддержки⁵⁷.

Источник Плиния можно датировать II в. до н. э., сведения Страбона и Мелы относятся к позднему эллинизму, вероятно, ко II в. до н. э. К наиболее поздним следует отнести источники Клавдия Птолемея и датировать их римским временем⁵⁸. Эллинистические источники отражают, на наш взгляд, специфические черты политической обстановки, сложившейся в Северном Крыму в период проникновения сарматов в степи Северного Причерноморья, войн скифов с Херсонесом и расцвета позднескифского государства. Все это важнейшие условия для восстановления, а скорее всего сооружения оборонительной линии на Перекопском перешейке. Поэтому наиболее вероятной представляется гипотеза В. Ф. Гайдукевича о сооружении перекопского рва в III—II вв. до н. э.⁵⁹

О серьезной опасности со стороны степей свидетельствует строительство многочисленных позднескифских укреплений в конце III—II вв. до н. э. на границе степи и крымских предгорий. Так, недавно А. С. Голенцов и В. К. Голенко убедительно отнесли время возникновения Неаполя Скифского к последней четверти III в. до н. э.⁶⁰ На рубеже III—II вв. до н. э. появляется Усть-Альминское городище⁶¹, очевидно, тогда же возводятся укрепления Булганакского городища⁶² и Кермен-Кыра⁶³. Скорее всего с этого времени наступает и новый этап греко-скифских войн, набеги крымских скифов теперь постоянно угрожают не только хоре Херсонеса в Северо-Западном Крыму, но и самому городу⁶⁴. Очевидно, успехи скифов заставили херсонеситов заключить договор с сарматами, направленный против крымских скифов⁶⁵. По мнению М. И. Ростовцева, рассказ Полиена об Амаге воспроизводит реальную действительность второй половины III или начала II в. до н. э.⁶⁶ Б. Н. Граков датирует рассказ рубежом III—II вв. до н. э.⁶⁷ О существовании реальной угрозы, исходящей из степей, свидетельствует и расположение позднескифских поселений. Укрепленные поселения, такие, как Усть-Альминское, Булганакское, Кермен-Кыр, контролируют долины рек, ведущие в юго-западные части Крымских предгорий (рис. 1). За ними, в долинах рек и на возвышенностях, располагаются селища с крепостями-убежищами наподобие Доброго, Змеинового⁶⁸, наряду с ними известны и селища без убежищ. Скорее всего в этот период для защиты степных районов полуострова были сооружены ров и вал в самой узкой части Перекопского перешейка. Не исключено, что на каком-то из этапов борьбы скифы утратили это укрепление, чем объясняется появление в северных районах полуострова сатархов.

⁵⁷ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979, с. 6—9, 252.

⁵⁸ Ростовцев. Скифия и Боспор, с. 75, 78.

⁵⁹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 541.

⁶⁰ Голенцов А. С., Голенко В. К. Из керамической эпиграфики Неаполя.— КСИИМК, № 159, с. 78, 83.

⁶¹ Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972, с. 22.

⁶² Щеглов. Северо-Западный Крым..., с. 130.

⁶³ Дашевская О. Д. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр).— КСИИМК, 1957, вып. 70, с. 111.

⁶⁴ Щеглов. Северо-Западный Крым..., с. 130 сл.

⁶⁵ Ростовцев М. И. Амага и Тиргатао. Одесса, 1914, с. 6.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Граков В. Н. Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36, с. 27.

⁶⁸ Колтухов С. Г. Раскопки у с. Доброе.— АО 1979 г. М., 1980, с. 285; он же. Охранные раскопки поселения Доброе.— АО 1980 г. М., 1981, с. 262; он же. Отчет о раскопках и разведках в Симферопольском районе. 1980 г.— Архив РКМ, инв. 12/56.

Создателем еще одной, достаточно широко распространенной гипотезы следует считать К. И. Габлица — автора «Карты полуострова Таврического и околележащих мест, сочиненной по известиям греческих писателей древних и новых времен». Помимо местности или укрепления Тафры исследователь помещал в районе Перекопского перешейка и стену Асандра, смещая ее к югу. Очевидно, это было вызвано несоответствием между небольшой протяженностью реального рва и длиной «стены» в 360 стадий. Другой причиной могли быть средневековые карты, на которых в районе р. Чатырлык помещен канал ⁶⁹. В середине XIX в. стену Асандра на Перекопе локализовал польский историк М. Грабовский ⁷⁰. Позднее Э. Миннз выдвинул оригинальную и, на наш взгляд, недалекую от истины гипотезу о расположении стены Асандра по Сивашу, между Перекопом и нынешним Геническом ⁷¹. Исключительно убедительная аргументация, подтверждающая локализацию стены Асандра на севере Скифского или Таврического Херсонеса, принадлежит Н. И. Сокольскому ⁷².

Число исследователей, локализующих стену Асандра на Керченском полуострове, намного превосходит количество сторонников «перекопской» гипотезы (библиография XIX в. довольно полно приведена в работах Р. В. Шмидт и Н. И. Сокольского ⁷³). Сторонником подобной локализации был и М. И. Ростовцев ⁷⁴, признававший тем не менее истинным свидетельством о том, что весь Таврический или Скифский Херсонес подчинен правителям Боспора ⁷⁵. В послевоенные годы мнение о расположении стены Асандра на Керченском полуострове стало господствующим ⁷⁶.

Однако аргументация сторонников этой точки зрения не разработана. Во всех случаях она сводится к следующему утверждению: стена или вал Асандра представлял собой оборонительную линию, защищавшую Европейский Боспор от крымских скифов или сарматов. Мнение о сооружении вала для защиты от крымских скифов часто подкрепляется предположением об усилении военной мощи позднескифского государства в последние тридцать лет периода. Однако в I в. до н. э., что достаточно надежно засвидетельствовано работами Тавро-Скифской экспедиции, центр Крымской Скифии переживал не самые лучшие времена ⁷⁷. Итоги раскопок, проведенных в последние годы на линии южной городской стены Неаполя Скифского, подтверждают мнение о военной слабости скифов в это время ⁷⁸. Можно лишь согласиться с Н. И. Сокольским в том, что события, разыгравшиеся на рубеже н. э. на Боспоре, наконец, создали условия для восстановления независимого позднескифского государства ⁷⁹. А если дело

⁶⁹ *Дмитров*. Ук. соч., рис. 38 сл.

⁷⁰ Там же, с. 49.

⁷¹ *Minns E. Scythians and Greeks*. Cambr., 1913, p. 16, 592.

⁷² *Сокольский*. Ук. соч., с. 98—106.

⁷³ *Шмидт Р. В.* К исследованию боспорских оборонительных валов. — СА, 1941, VII; *Сокольский*. Ук. соч.

⁷⁴ *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 144.

⁷⁵ *Он же.* Скифия и Боспор, с. 142.

⁷⁶ *Гриневич К. Э.* Оборона Боспора Киммерийского на основании археологического материала. — Уч. зап. Томского Гос. ун-та, 1947, № 7, с. 61; *Блаватский В. Д.* Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье. — Уч. зап. МГУ, 1950, с. 143; *Гайдукевич.* Боспорское царство, с. 189; *Голубцова Е. С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951, с. 76; *Шульц.* О комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях..., с. 122; *Цветаева Г. А.* Боспор и Рим. М., 1979, с. 14 сл.; *Масленников А. А.* К истории населения хоры Европейского Боспора в I в. до н. э. — СА, 1980, № 4, с. 73; *он же.* Еще раз о Боспорских валах. — СА, 1983, № 3, с. 17; *Ольховский*. Ук. соч., с. 61 сл. Попутно заметим, что для придания непротиворечивости своей гипотезе А. А. Масленникову следует опровергнуть вывод И. И. Бабкова об отсутствии следов укрепления на Акмонайском перешейке.

⁷⁷ *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.) — В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 72.

⁷⁸ *Мазнева О. А.* Отчет о раскопках на пригородной территории Неаполя скифского в 1981 г. Архив Отдела археологии Крыма, № 123, с. 46.

⁷⁹ *Сокольский*. Ук. соч., с. 105.

обстоит так, то отнюдь не крымские скифы были теми варварами, против которых предприняли строительство мощного оборонительного рубежа. Как заметил Н. И. Сокольский, Страбон локализует номадов, против которых была обращена стена Асандра, за пределами полуострова⁸⁰. К тому же население районов, где в основном сосредоточены позднескифские памятники, несомненно, в основной своей массе было земледельческим. Все это дает основание видеть в номадах кочевые сарматские племена, занимавшие степи за Перекопом. И самое существенное: Н. И. Сокольским намечен путь для ликвидации несоответствия между шириной Перекопского перешейка и протяженностью стены Асандра. Путь этот заключается в поиске иных точек отсчета, чем только линия перекопского укрепления⁸¹.

По нашему мнению, стена Асандра располагалась в Присивашье, между Перекопом и Чонгарским проливом (рис. 1). Описание озера Сапра у Страбона позволяет предположить, что укрепления, развернутые от Перекопского перешейка до Чонгара, строились лишь там, где водную преграду можно было преодолеть вброд либо по периодически обнажавшемуся дну. Начинаясь «стена» на Перекопе в местности Тафры. Для поиска других ее участков следует обратиться к средневековым оборонительным сооружениям Западного и Центрального Сиваша. В первую очередь — это ров и вал, идущие по дну Сиваша от Перекопа к востоку на Литовский полуостров (рис. 1, 2). Его остатки зафиксированы на русских картах конца XVIII — начала XIX в.⁸² Участок этого же рва изображен на гравюре 1837 г.⁸³ Картина периодических обмелений Сиваша, так ярко нарисованная Страбоном, позволяет достаточно обоснованно предположить, что ров в озере вырыт в глубокой древности.

Еще одно укрепление существует на Тют-Джанкойском полуострове. Здесь в километре к югу от Чонгарского пролива полуостров пересекают два рва, расположенных вплотную друг к другу. Более поздний — северный — срезает западную оконечность южного (рис. 1, 2). Это делает вполне допустимым предположение о глубокой древности южного рва. Возможно, все описанные укрепления окажутся в своей основе древними, лишь восстановленными в турецко-татарское время.

Еще одна гипотеза о времени возведения перекопских укреплений высказана недавно М. И. Вязьмитиной⁸⁴. По ее мнению, перекопский ров и вал сооружены в I в. н. э., в период нового подъема позднескифского государства. Действительно, военная активность скифов в это время сомнений не вызывает. В начале 60-х годов н. э. для защиты Херсонеса римские отряды из Мезии были переброшены в Таврику⁸⁵. Возможно, в это время скифы и использовали укрепления Северного Крыма, однако это не дает оснований утверждать, что сооружение рва и вала относится лишь к I в. н. э.

До сих пор одной из загадок Перекопа остается сообщение Плиния Старшего (IV, 84) о канале, соединяющем озеро Бук с Каркинитским заливом: «Здесь же река Пакирис, города Навар и Каркина. Сзади лежит озеро Бук, соединенное с морем посредством рва. Само озеро Бук скалистым хребтом отделяется от Корета, залива Меотийского озера. Оно принимает реки Бук, Герр и Ипанид, текущие с разных сторон, именно Герр отделяет Василидов от Номадов, а Ипанид течет через земли Номадов и

⁸⁰ Там же, с. 104. С. В. Полин (Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я. — Археологія, 1984, 145, с. 28) на основе археологических данных относит время широкого освоения сарматами причерноморских степей к I в. до н. э. Заметим, что сарматских могильников этого времени в степном Крыму нет.

⁸¹ Сокольский. Ук. соч., с. 105.

⁸² ЦГВИА, ф. ВУА, № 2262, 2264.

⁸³ ЦГВИА, ф. 349, оп. 29, 877.

⁸⁴ История Украинской ССР. Т. I. Киев, 1980, с. 183.

⁸⁵ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981, с. 20—22.

Илеев искусственным руслом в Бук, а естественным в Корет. Эта область называется Синдской Скифией». В переводе М. В. Скржинской более правильно «Скифия Синдика»⁸⁶.

По мнению М. В. Скржинской, Плиний в данном случае использовал сведения, относящиеся к р. Гипанису — Кубани, которую в I в до н. э., судя по сообщению Страбона, Фарнак провел по старому руслу в страну дандариев и затопил ее⁸⁷. Последнее позволяет предположить, что Корет является не западным, а восточным заливом Меотиды⁸⁸. Не меньшее значение имеет упоминание региона (?) Скифия Синдика. В состав IX области римского мира входили Сарматия и Скифия Таврика⁸⁹. Упоминание Скифии Синдики при описании Европы может быть связано с неточностью, допущенной Плинием или его источником. Возможную причину ошибки в свое время рассмотрел М. И. Ростовцев⁹⁰. Все это позволяет усомниться в возникшей еще в античности и неоднократно повторенной в средневековые версии о рве-канале на Перекопе. К тому же для того, чтобы быть каналом, большой перекопский ров в срединной части перешейки должен быть на 8—10 м глубже, чем у берега Каркинитского залива, а последнее не подтверждается изучением его профилей.

Учитывая все сказанное ранее, мы можем предложить следующее. Местность Тафры — несомненно древнее название Перекопского перешейка, а возможно, и большего участка Присивашья, лежащего между Перекопом и Чонгаром. Ров потомков слепых, трижды упомянутый Геродотом, следует локализовать не в Северном Крыму, на Перекопском перешейке, а на Керченском полуострове. Не исключено, что наиболее ранним литературным свидетельством о существовании укрепления на Перекопе служит сохраненное Стефаном Византийским сообщение о стране Тафры, окруженной рвами, заслуживающее самого пристального источниковедческого исследования. Не вызывают сомнений упоминания местности Тафры и тафриев у писателей позднеллинистического времени сохраненные Страбоном, Помпонием Мелой и Плинием. Скорее всего эти многочисленные сообщения вызваны сооружением рва и вала на Перекопском перешейке в конце III—II в. до н. э., защищавших крымские владения скифов от набегов сарматов. Протяженность стены Асандра, равная 360 стадиям, соответствует расстоянию между Перекопом и Чонгарским перешейком, что позволяет локализовать здесь упомянутое укрепление и видеть с определенной долей вероятности в чонгарском, сивашском и перекопском рвах его остатки, восстановленные и использованные во времена Крымского ханства.

И. И. Вдовиченно, С. Г., Колтухов

⁸⁶ Скржинская. Ук. соч., с. 96.

⁸⁷ Там же, с. 125.

⁸⁸ Там же, с. 25.

⁸⁹ Ростовцев. Скифия и Боспор, с. 44.

⁹⁰ Там же, с. 59.

ANCIENT FORTIFICATIONS IN NORTHERN CRIMEA: THE LITERARY EVIDENCE

I. I. Vdovichenko, S. G. Koltukhov

The information provided by ancient authors about the fortifications in Northern Crimea is one of the most neglected subjects in ancient history studies on the North Black Sea region. Analysis of Strabo's testimony confirms the opinion that in antiquity two measurements of the isthmus connecting the Crimea with the mainland were in use simultaneously: 40 stades for the breadth of the Perekop neck and 360 stades for the distance from Perekop to the Chongarsky strait. The latter measurement enables us to locate the wall of Asander. The most trustworthy information about the locality of Taphry-Rvy (ditches) in Northern Crimea, apparently on the Perekop isthmus, comes from the Late Hel-

lenistic period, which supports the hypothesis of V. F. Gaidukevich that fortifications were built on Perekop in the 3rd and second centuries B. C. Some Late Mediaeval fortifications in the Sivash area, such as the ditch in Sivash between Perekop and the Litovsky peninsula and the ditches near the Chongarsky crossing, are, in the author's opinion, remains of an earlier defence line, probably the wall of Asander.

К ВОПРОСУ О РОДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ «ХАРАКТЕРОВ» ФЕОФРАСТА

Сочинения Феофраста под общепринятым заглавием «Характеры» стоит особняком во всей древнегреческой литературе; оно не вписывается ни в один привычный жанровый канон. Отсюда такое обилие противоречивых, часто взаимоисключающих толкований произведения. До сих пор исследование «Характеров» шло (эта тенденция продолжает сохраняться) по двум главным направлениям: сочинение интерпретировалось как научно-философское и как сочинение художественной литературы. В соответствии с первым положением «Характеры» являются некоторой частью одного из научных трактатов Феофраста по этике¹, во втором случае рассматриваются как художественно выполненные иллюстрации, входившие в какое-то из сочинений Феофраста о поэтическом или риторическом искусстве². Итак, получается, что при любом указанном допущении жанровая форма «Характеров» оказывается несамостоятельной, ибо какие бы усилия не предпринимались исследователями для отысканий подходящих аналогий, «Характеры» так и остаются либо одним большим эксцерптом (или гипомнематической, дополняющей частью), либо малыми эксцерптами, одинаково принадлежащими к одному обширному труду философа. В связи со сказанным встает вопрос о степени научности и художественности в интересующем нас произведении.

В настоящее время едва ли кто станет подвергать сомнению эстетические намерения автора «Характеров». И, однако, мы еще нередко встречаемся с мнением, согласно которому «Характеры» могли служить художественно обработанными примерами отдельных положений не только в теоретических исследованиях Феофраста по литературе (поэтика и риторика), но и в научно-философских его трактатах. Все творчество Феофраста рассматривается обычно на фоне философского наследия Аристотеля. Отношения ученика и учителя, традиционный взгляд (идущий еще от античности) на Феофраста как на последователя Стагирита, развивавшего и дополнявшего его учение, позволяют не только поставить «Характеры» в связь с некоторыми сочинениями Аристотеля, проблематика которых близка последним, но и дают почти единственную возможность как для уяснения общих мировоззренческих установок Феофраста, так и для понимания художественных и эстетических принципов, лежащих в их основе.

¹ Zeller Ed. Die Philosophie der Griechen. 3 Aufl., B. II, Abt. 2. Lpz, 1879, S. 855, Anm. 3; Petersen E. Theophrasti Characteres. Lpz., 1859; Comperz Th. Über die Charaktere Theophrast's.— Sitzungsberichte der Königl. Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Kl., 1889, CXVII, S. 10; Steinmetz P. Der Zweck der Charaktere Theophrasts.— Annales Universitatis Saraviensis, 1959, VIII, fasc. 3—4, S. 209—246; Stark R. Zu Theophrasts «Charakteren». RhM, 1960, CIII, S. 199; Regenbogen O.—RE, Supplbd. VII, 1940, Sp. 1507—1510, s. v. Theophrastos von Eresos; Navarre O. Théophraste. Caractères. P., 1931, p. 20.

² См. Regenbogen. Op. cit., Sp. 1505—1509; Стратановский Г. А. Феофраст и его «Характеры».— В кн.: Феофраст. Характеры. Л., 1974, с. 75—82.